

Про доброго Кондрата

В этой сказке ни обмана, ни коварства,
Только тучка лёгкой тенью набежала.
Образцово-показательное царство
Где-то близко, где-то рядышком лежало.

И однажды заступил на царство это
Самый добрый царь, коль слухам верить малость.
Только слухи, как разменная монета,
Нынче есть, а завтра нет – какая жалость!

Поднималось утро с песнями и пляской,
И сверкало царство в самом лучшем виде.
А ночами подновляли свежей краской
Чудо-надпись: «В доброте – да не в обиде!»

Крутит время головой,
Как ему захочется.
Что же будет с добротой,
Когда краска кончится?

...Так один поэт заезжий
Пел, коснувшись краски свежей.
Всё бы было ничего,
Но окликнули его:

– Эй, послушай-ка, герой,
Ну-ка живо рот закрой!
За такие слова тебе
Алебардой по губе.

– Что я слышу и отколь,
Сам-то в стражниках давно ль?
Вроде мы с тобой дружили,
Филимон, да это ты ли?!

– Я-то в стражниках недавно,
Но зато служу исправно.
А вот ты кому в угоду
Чушь свою несёшь народу?

– Да при чём тут я, народ,
Чем заплатят – то споёт.

– Ты опять?! Ну, рассержусь!

– Ой, боюсь, боюсь, боюсь.

– Брысь отсель, кому велел!

– Чтоб ты свинкой заболел.
Филимон хотел ответить,

Только видит: тут как тут
В царский двор заходят дети,
Величальную поют:

— *Перед сном читают сказки
 добрые родители,
Среди ночи раздаётся
 наш весёлый смех.
Пусть мы дедушку Кондрата
 и в глаза не видели,
Но зато уверены —
 он в мире лучшие всех!*

Следом тридцать три солдата,
Тоже с песней про Кондрата:

— *Эх, ма! Как один,
Без тоски-кручины
За царя отдадим
Животы и спины.*

*Ать, два, здорово!
Три, четыре, пять,
За Кондрата головы
Не глядя подставлять.*

За солдатами народ
Хороводную ведёт:

— *Ты, гармошечка-обнова,
Заиграй на всех ладах.
Не хотим царя другого
Ни моложе, ни в годах.*

*За дождями, за порошей
Верно люди говорят,
Если кто и есть хороший —
Это только наш Кондрат!*

За народом три девицы
Русокосы, белолицы.
Сарафаны вышиты,
А поют как, слышь ты:

— *Поспевает рожь да колосистая,
Запевает девка голосистая.
Нету для неё милей теперича
Нашего царя Кондрат Михеича.*

*Нашего царя Кондрат Михеича
Нету для неё милей теперича.
Потому и рожь-то колосистая,
Оттого и девка голосистая.
Дуб растёт в лесу, берёзка во поле.*

*Нам с Кондрат Михеевичем плохо ли.
Лишь бы зрела нива колосистее,
Да была бы девка голосистее.*

Царь в окошке появился
И, смущенья не тая,
Он к собранью обратился:

— Вы желали, вот и я.
Пели складно, всё как надо.
Вам приятно, мне услада.
А пока, ужо, идите
Да чуток передохните.
Отдохнёте и опять
Приходите прославлять.

Помахал им царь рукою
И отправился в покои.
Только там прилечь собрался,
Филимон нарисовался:

— Ваше царское Кондратье,
Гости к Вам.

— Пусть входят братья!
Ждать гостям в дверях не след.

Филимон ему в ответ:

— Как они мне надоели.

— Что ты, Филя, в самом деле!
Хочешь, оставайся сам.

— Я, пожалуй, к воротам.

— Ну, как знаешь. Проходите.
Кто такие? Что хотите?
Что молчите, как же так.

— Я – охотник.

— Я – рыбак.
От меня царю лукошко.

— Ишь ты, славная рыбёшка.
Чай, ловил-то не на печке,
Да неужто в нашей речке?

Рассудительный рыбак
Отвечал Кондрату так:

— Ежель чистый водоём,
То и рыба всяка в нём.

А, коль грязь воды заместо —
В ней рыбёшке нету места.
Я, царь-батюшка, для Вас
Вот ещё кувшин припас.

— А в кувшине что тогда?

— Родниковая вода,
От неё мозга светлеет
Сразу враз и навсегда.
В родниках-то, по уму,
Сила жизни.

— Не пойму,
Не слыхал досель нигде,
Чтобы жизнь была в воде.
Но спасибо и на этом...

— Ну, а ты с каким приветом?
Царь охотника спросил.

И охотник пробасил:

— У меня для Вас малина,
Да медвежья буженина,
Да к наливочке грибов,
Да пяток перепелов.

— Где ж ты этого набрал?

— Чай, в лесу-то не аврал.
Если лес живой пока —
Он сумеет дурака
Прокормить, ну, коль дурак
Понимает что и как.

— Это что ж, намёк такой?

— Я к тому, что лес — живой!
Жаль, что наши дураки
Видят в нём одни пеньки.

— Как понять? Не понимаю:
Лес живой, вода живая...

— Как хотите понимайте.

— Рад бы, да устал. Ступайте.
Вы хорошие ребята,
Жаль подарков маловато.

Вот с гостями царь простился,
Позевнул, перекрестился,
Взбил подушку кулачком,

И почти прилёг бочком,
Как в окно на полвершка
Филимонова башка:

— Царь отец, там снова эти...

— Эти кто?

— Народ и дети,
Три девицы и солдаты
Тоже просятся в палаты.
Ты же сам велел опять
Приходить и прославлять.

— Филимон, прошу не в службу,
А в мою с тобою дружбу,
Ты поди скажи массовке,
Что, мол, я в командировке,
Что меня, мол, нету тут,
Пусть немного подождут.

Ой, ты доля — не пятак,
Доля царская.
В похвалу играю так,
Будто в цапки я.
Не потерпит царь ничьих
Возражений,
Кроме собственных своих
Предложений.
И с таким вот положением
Справиться
Не получится уже,
Коль понравится.

Эх, издам-ка я Указ!
Да такой, чтоб в бровь и в глаз.
Чтоб от счастья плакал люд,
А царю царёв салют.
Для народа моего
Мне не жалко ничего:
Ни зверья, ни вольной птицы,
Ни бобов, ни чечевицы.
Филимон! Эй, слышь-ка, милый,
Где у нас перо с чернилой?

На пороге Филимон
Явно перевозбуждён:

— Государь-отец... того...
Там царица.

— Ей чего?

— Может, Вам помочь чего там?

– Нет, уж лучше ты к воротам.

Входит царская жена
Особливо не полна,
Не заметна худобой,
Но зато строга собой:

– Здравствуй, милый муженёк.
До меня дошёл намёк,
Что, мол, ты теперь один
Всем и царь и господин.
И что будто бы на раз
Сам решил издать Указ,
Не советуясь ни с кем.

– Что ты, матушка, зачем?!
Даже слышать неприлично.
Да чтоб я единолично...
Не сойти мне с этих мест.
А не веришь – вот те крест!

– Не крестися оголтело.
Ладно, мне пора по делу,
Если что, Кондрат, гляди,
Враз пушу на бигуди.

...Пыль дорожная осела.
Государь вздохнул несмело,
Почесал в раздумье темя
И вернулся к прежней теме:

– Нам царица не приказ,
Всё одно издам Указ.
Филимон! Готовь бумагу,
Ну, а я чуток прилягу...

* * *

... Спал он долго или малость,
Как бы там не показалось,
То ль во сне, то ль напоказ,
Но издал Кондрат

У К А З:

*«Я слыхал, что за столицей
Заросли поля пшеницей.
Всё убрать! Хлеба раздать!
Поле боле не пахать.
Там воздвигнуть через год
К е р о с и н о в ы й завод.*

*Чтобы мясо было люду,
Зверя бить везде и всюду.*

*А чтоб избы отоплять –
Лес рубить и корчевать.
Заживут в любом селе
Люди в мясе и в тепле.*

*Рыбу выловить до точки,
Засолить в огромной бочке,
И тогда в голодный год
Наш запас не подведёт.*

*Запустить в озёра тину
И лягушечью скотину
Разводить по мере сил,
Кто бы, что бы ни спросил.*

*Станем мы её французам
Отправлять валютным грузом.
Богатей страна-держава!
Всем – ура, Кондрату – слава!!»*

*Дальше – больше, скажем в общем,
Был Указ не очень тощим.
В уголку печать с алтын.
Подпись: «Царь – Михеев сын».*

*... Час за часом в догонялки,
Встал Кондрат. Ух, ёлки-палки!*

*– Я не понял, что такое?!
Где же царские покои?
Где ворота, где дворец?
Кто мне скажет наконец,
Как такое в одночасье
Приключилось несчастье;
Ни травинки, ни леска,
Только кочки и тоска.
Да к тому же, мне кажись,
Я не ел уже всю жись.*

*Глядь-поглядь, мужик навстречу,
То ли с песней, то ли с речью:*

*– По утрам, вечеркам
Уж ходили друженько
Мы к прудам, озерам
С удочкой – подруженькой.*

*Ой, подружка уда,
Девка необидчива.
Не гляди, что худа,
Но зато добытчива.*

*Так отколь ты, беда,
Что же это случилось?*

Ни плотвы, ни пруда
И уда сломалась.

Наш Кондрат расправил плечи,
И пошёл еде навстречу:

— Эй, рыбак, тебя как звать?
Дал бы рыбки пожевать.

— Рыба только на обмен,
Ты чего даёшь взамен?

Царь мгновенно пропотел,
Аж забыл чего хотел,
В неспособности усечь,
О каком обмене речь.

А рыбак ему опять:

— Хочешь рыбки пожевать?
Пожуёшь, коль на обмен
Посох мне отдашь взамен.
Он, глядишь, как говорится,
Вместо удочки сгодится.

Царь занёс на кочку ноги,
Оглядел пейзаж убогий:
Никого на десять вёрст,
Кто б ему поесть принёс.
И хотя, конечно, право,
Царский посох — не забава,
Но у всех царей от нас
Пара-тройка про запас.

— Я согласен, вот возьми,
Да скорей меня корми.
Чем попотчуешь, рыбак?

— Это просто. Значит так:
Карасей отведай вволю.

— Так они же в солидоле!

— В солидоле, несомненно,
Но зато блестят отменно.
Вот осётр — царь речной
Под заливкой нефтяной.
Осетринка вечером
Хорошо идёт с дымком.

— Кто ж дымок вам поддаёт?

— Керосиновый завод.
Только это, говорят,

И собаки не едят.

— Кто?

— Собаки.

— Где собаки?!

— Их давно загрызли раки.

— Мне бы раков.

— Эти сами

Сдохли все в соляной яме.

Слышь-ка, по секрету, брат,

Ты случаем не Кондрат?

— Не Кондрат.

— А кто ж ты?

— ...Пров.

— Ладно, Пров, бывай здоров.

... На болоте выпь кричит.

В животе орган звучит,

И куда глаза глядят

Меж пеньков бредёт Кондрат:

— Ни хвоста, ни чешуи,

Хуже нет дела мои.

Только в сказках, как ведётся,

Кто-нибудь да подвернётся.

Царь совсем уж было сник,

Но заметил в тот же миг

Силуэт перед собою

И строение с трубою,

Где уныло в этот раз

Выводил знакомый бас:

— *Как в дубраве моей*

С мая до июня

Пел душа-соловей

Нам с тобою, Дуня.

Мы встречались не вдруг

Под берёзкой тонкой.

И ходили вокруг

Тетерев с тетёркой.

Так откуда ж беда?

Сам не знаю право

*Ты куда навсегда
Сгинула, дубрава?*

Приосанился Кондрат
Будто только из палат.
И желанием влекомый,
Он спешит на бас знакомый:

— Братец, дай чего поесть,
А не то помру, как есть.

— Поедим-то, поедим,
Только есть нюанс один:
Вы нам мантию с подбоем,
Ну, а мы Вам стол накроем.

Государь опять в поту,
Но не видит за версту
Никого, кто без корысти
Проявил бы доброту.
И Кондрат умом природным
По-мужицки сознаёт:
«Быть одетым, но голодным —
Хуже, чем наоборот».

— Вот тебе, охотник, то,
Что просил, а мне зато
Подавай сюда малину
Да медвежью буженину,
Да к наливочке грибов,
Да пяток перепелов,
Хлеба, сыру, квасу жбанчик,
Чесночка, лучка, укропа.
А ещё воды стаканчик,
Если можно — без сиропа.

— Ничего себе рагу,
Ну, да ладно, чем смогу.

— А скажи, душа моя,
Почему ты без ружья?

— Нынче мне не до пальбы,
Я стреляю из трубы.

— Из трубы?!

— Судите сами.
Вот и уточки над нами.
Как задумчиво летят.

— Может, что спросить хотят?

— Вам какую, ту, что справа?

– Мне бы их обеих, право.

Тут охотник так и сяк
Нажимает на рычаг,
Над трубою смрад повис,
Утки крякнули – и вниз.

– Ну-с, отведайте жаркое.

– Ёлки-палки, что такое?!
Что за шуточки ребячьи?
Здесь одни угли утячьи.
А гарнир, гляди-ка вон:
Сажа вместо макарон.

– А вот я слыхал, в народе
Это блюдо нынче в моде –
Копоть с перьями вприкуску,
Ну, а сажа на закуску.

– А в кувшине, что у вас?

– А у нас в кувшине квас.

– Разве квас таким бывает?
Что-то он напоминает...
Сами пить его извольте,
А меня, прошу, увольте.

– Увольняю. Слушай, пряник,
Ты Кондрату не племянник?

– Не племянник, не племянник.

– Кто ж тогда?

– Прохожий странник.

– Я такой, что и поверю.
Что ж, пойду капкан проверю.

– На кого капка с утра?

– На Кондратия. Пора.

Встрече этакой не рад
Вслед ему вздохнул Кондрат:

– То ли мнится, то ли в брюхе
Волки воют с голодухи.
Мне бы хоть лягушку в рот.
Где царица? Где народ?!
... От души труба копит,

На пеньке Кондрат грустит,
Вычитает, делит, множит,
Ничего понять не может:

— Ежель сон, то в самый раз
Укусить себя за глаз.
Станет больно – встрепенусь.
Ну, а вдруг как не проснусь!
Нет уж, я себе не тать –
Беспричинно глаз кусать.

Так сидел он сам не свой.
Вдруг раздался за спиной
Голос тихий, но не дальний:

— Вы за керосином крайний?

И Кондрат себя спросил:
«А при чём тут керосин?»
Обернулся на вопрос,
Чуть к пеньку-то не прирос.

То ли перед ним на кочке
Три кикиморовы дочки,
То ли девки, но в обличьи
Срамотном до неприличья:
Сарафаны то ли в тине,
То ли в свежем керосине.
И все трое от души
Пахнут так, что свет туши!
С перепугу, сам не рад,
Стал лукавить наш Кондрат.

Кто ведёт себя на царство,
Тем не избежать лукавства.

«Ни намерен и не встарь,-
Говорит им государь,-
На чужбине и у нас
Не встречал такой анфас.
Красоты такой, хоть малость,
Мне и в профиль не встречалось.
Вот уж будь я молодой,
То посватался б к любой.
Как здоровье? Как живёте?
Может, вы чего споёте,
Без надрыва, безмятежно,
В общем, медленно и нежно».

Три кикиморы – девицы,
Вскинув грустные ресницы,
На прохожего взглянули,
И в три глотки затянули:
— *Поспевала рожь да колосистая,*

*Запевала девка голосистая.
Пареньку платком махала от плеча.
Где же красота её теперича?*

*Не желаем вам такого сокола,
Что летает лишь вокруг да около.
Может, потому не прижимается,
Что боится, вдруг не отстирается.*

*Нету дела соколу до пташечки.
Ни к чему гаданье на ромашечке.
Ой, нехорошо нам, ой, не сладенько.
Шёл бы от греха подальше, дяденька.*

Тут одна из них сказала:

— Вроде, я тебя признала.

Но сама едва моргнула,
Уж царя как ветром сдуло.
И летел ему вдогон
Керосиновый бидон...

* * *

...Снова кочки и болота.
Есть не так, как пить охота.
Где б найти воды чуток,
Всё бы отдал за глоток.

И как будто со вниманьем
К государевым желаньям
Из тумана от болот
Баба с вёдрами плывёт:

— Подходите, господа,
В очередь вставайте.
У меня для вас вода,
Только покупайте.

Пусть недёшево беру,
Но своё имею.
И уж лучше я помру,
Чем продешевею.

Был родник, да весь иссяк.
Оттого наверно,
Нынче капля стоит так,
Как вчера цистерна.

У Кондрата с этим видом
Поднялась корона дыбом.
Да и как ей не подняться,
Лучше было б обознаться,
Но, увы, и вот те на,

Перед ним... его жена.

И Кондрат – глава семьи,
Вслух считает до семи:

– Раз охотник, два рыбак,
Три девицы и царица.
Если это не царица,
Значит, мне пора лечиться.

– Эй! Шибко образованный,
Купи воды фильтрованной.

– Это как же понимать?
Ты никак торгуешь, мать!

– Может, я кому и мать,
А тебя вот не признать.
Коль товар тебе не гожий,
Так ступай себе, прохожий.

– Это что же за товар
И какой с него навар?

– Наш товар, соколик мой,
Нынче самый ходовой.
Воду, чтоб попить-помыться
Нам везут из-за границы.

– Где же наша?

– В нашей тут
И лягушки не живут.
Что стоишь как истукан,
Чем заплатишь за стакан?
Или хочешь, паренёк,
Без воды ещё денёк?

– Не стражай меня кошмаром,
Подавай воды задаром.
Ты оглохла, что ли, слышь?

– Вот тебе, любезный, шиш!
Впрочем, мне с твоей ноги
Приглянулись сапоги.

– Забирай! Ну, где вода?
Я не понял, ты куда?!
Подавай воды, заноза!

– Нынче не было завоза.
Коль увидишь, где когда-то,
Поблагодари Кондрата.
А теперь давай катись

Да гляди не простудись.

...В паутине мошка бьётся,
Царь бредёт куда бредётся
И одет не по погоде,
Да и силы на исходе.

— Не прилечь и не присесть,
Не попить и не поесть.
Попадись мне виноватый,
Я б ему устроил честь.

Впереди белеет что-то.
Да ведь это же ворота!
Неужели Филимон?
Мать честная, точно он!

Вот удача так удача,
Всё тебе пойдёт иначе,
Потому что наш Кондрат —
Филимону друг и брат.

Только встречами научен,
Царь взгрустнул на всякий случай:
Ну, а вдруг от тех ворот
Он получит поворот.

Тут, как будто б так и надо,
Филимон запел балладу.
Хоть царю не до баллад,
Но заслушался Кондрат.

— У ворот круглый год — вот моя работа,
Чтоб без спросу комар в них не пролетел.
У соседних царей кто-то спёр ворота
И теперь без ворот стража не у дел.

Эх, трава-мурава, огурцы на грядке.
Кто с утра покричал — к вечеру затих.
У соседних царей нынче всё в порядке:
Тишь да гладь, никого, даже их самих.

Вот ещё год-другой, там глядишь и пенсия.
Буду петь под гармонь, создавать уют.
А, чтоб было чего вспоминать за песнями,
Пусть воротами мне пенсию дадут.

Мне б законный выходной да кусочек праздника,
Но на страже стоит стражник круглый год.
Потому что без ворот не бывает стражника,
А не будет стражника — не будет и ворот.

И подмигивая слёзно,
Произнёс Кондрат серьёзно:

– Здравствуй, брат, а я грущу.
Пропусти-кось...

– Не пущу.

– Мы же, вроде бы, друзья.

– Постороннему нельзя.

– Это кто ж тут посторонний?!
Я – твой царь, коль при короне.

– Что корона? Ишь, сказал.
Может, ты её украл.
Или даже хуже что-то,
За неё убил кого-то.

– Что ты, Филюшка, окстись!
Да чтоб я кого... ни в жись.
Вы же сами говорили,
Что я самый добрый в мире
И что всем, ни дать ни взять:
Брат, сестра, отец и мать.

– Ладно, уж, не голоси,
Дай корону.

– На, носи!
Или, может, лучше сразу
Мне раздеться до отказа?!

– Может, да, а может, нет.
Вот ещё один момент:
Всяк, кому пройти охота,
Головой стучит в ворота
И кричит, как будто рад:
«Самый добрый – царь Кондрат!»

– А ворота отворятся?

– Да куда же им деваться.
Начинай стучаться, брат.

...Разбегается Кондрат,
Наклоняется челом,
Мчит к воротам напролом.
На зубах слова скрипят:
«Самый добрый – царь Кондрат!!
Кто не верит, накось выкусь!»

Филимон кричит:

– Гляди-кось,

Отворяются, ей-ей!

Бьёт Кондрат ещё сильнее.
Створ дубовый распахнулся,
Взвизгнул царь ... да и п р о с н у л с я.

Вроде, что-то понимает,
Но глаза не открывает.
Лишь горланит сам не свой:
«Дайте стукнуть головой!»

В этом полупониманье
Он, смилившийся с судьбой,
Вдруг знакомое дыхание
Ощущает над собой.

И царицы голос ровный
Вопрошает: «Друг мой скромный,
Приболел, аль так взбесился,
Или сон дурной приснился?»

— Ежель сон, то где корона?

— Где ж ей быть, корона вона.

— Посох где?

— И посох тут.
Успокойся, баламут.

— Страшный сон, такие вещи!

— Сплюнь, Кондрат, а вдруг он *вещий*.
Если хочешь – расскажи.

— Пить хочу, налей.

— Держи.

Ковш она ему подносит.
Выпил царь и снова просит.
После третьего ковша
Говорит царица:

— Ша!

Либо сон ты мне расскажешь,
Либо влаги ни шиша.

Делать нечего, в испуге
Поднатужился Кондрат
И пожизненной подруге
Отвечает невпопад:

— Ни травинки, ни леска,

Только кочки и тоска.
Рыбаки из деревушек
Глушат посохом лягушек.
Девки по небу летают,
В них охотники стреляют.
А чтоб не было пальбы,
В девок целят из трубы.
Там тебе с моей ноги
Приглянулись сапоги,
А с подачи Филимона
По воротам бил с разгона.

У царицы ум намётан:
Понимает, что не врёт он.
Но на кой нам нужен с вами
Царь с закрытыми глазами.
Лишь подумала царица,
Что пора бы им открыться,
Как из-за оконных створ
Дружно грянул сводный хор:

— Ты, гармошечка — обнова,
Заиграй на всех ладах.
Не хотим царя другого
Ни моложе, ни в годах.
За дождями, за порошей
Верно люди говорят,
Если кто и есть хороший —
Это только наш Кондрат!
Эх, ма! Как один,
Без тоски-кручины,
За него отдадим
Животы и спины!

Тут же резво и без стона
Царь вскочил, надел корону
И царице, глядя в очи,
Молвил, будто, между прочим:

— По всему, видать, не зря
Ходит слава про царя.
Им виднее, наконец,
Кто для них родной отец.
И поэтому сейчас
Я издам такой Указ,
Чтоб от счастья плакал люд,
А царю — царёв салют.
Развернись моё добро!
Филимон, тащи перо!!

Знать пришла пора царице
С государем объясниться.
И поддев его локтём,
Зашептала, как с дитём:

– Ишь как лихо встрепенулся,
А не рано ль ты проснулся?
Может, и тебе, и мне
Было проще бы во сне?
Там я лишь водой торгую,
Но с такими не толкую.
Или, может, лучше сразу
Толковать с твоим Указом,
Коль уж ты у нас один
Всем и царь и господин.
Или напекло головку?
Филимон! Неси верёвку...

* * *

... Вечереет. Без указу
Быть добру, не быть раздору.
Две звезды, приятных глазу,
Вверх бредут по косогору.

Не нарадуясь обновке,
Спать Кондрат не скоро ляжет;
На подаренной верёвке
Узелки на память вяжет.

Соловей – певец безгрешный
Заруладил растабары.
Парни с девками поспешно
Снова делятся на пары.

Свет луны в реке забрезжил,
Будто царская корона,
И поёт поэт заезжий
Под гармошку Филимона:

– *Завтра утро будет*
с песнями и пляской,
Засверкает царство
в самом лучшем виде,
И, конечно, заиграет
свежей краской
Чудо-надпись:
«В доброте – да не в обиде!»

Если что-то нас пугает,
ну, так что же,
Значит, где-то веселит
нас тоже что-то.
А, чтоб была была
на сказку не похожа...
Филимоша, закрывай
свои ворота.